

И. И. Саженин

Новосибирск, Россия

НЕПРИЛИЧНАЯ ФОРМА ВЫСКАЗЫВАНИЯ: ЭТИКА, ЛИНГВИСТИКА, ПРАВО

АННОТАЦИЯ: *Статья посвящена проблеме диагностирования неприличной формы высказывания при производстве судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении. Причиной написания статьи стало отсутствие в экспертном сообществе единого подхода к решению основных задач. Проведение экспертизы по делам об оскорблении традиционно предполагало решение двух задач:*

1) установление оскорбительного характера высказывания в адрес лица;

2) определение формы высказывания (приличная/неприличная). В экспертном сообществе существует различное понимание неприличности формы выражения смысла. Ряд экспертов считает имеющими неприличную форму только те высказывания, которые содержат нецензурную лексику, другие склонны включать в число единиц, имеющих неприличную форму, те, что нарушают нормы речевого этикета. Разность экспертных подходов приводит к тому, что один и тот же объект исследования оценивается экспертами по-разному, что вызывает сомнения в объективности методов лингвистической экспертизы у участников судебного процесса. В статье предпринята попытка развести собственно лингвистическое наполнение понятия «неприличная форма» и его этическую и правовую составляющие.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *оскорбления, конфликтные ситуации, лингвистическая экспертиза, вербальная агрессия, речевое взаимодействие, конфликтный дискурс, культура речи, речевое поведение, судебная лингвистическая экспертиза.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Саженин Игорь Игоревич, кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики его преподавания Новосибирского государственного педагогического университета.*

Адрес: г. Новосибирск, ул. Вилюйская, д. 28.
E-mail: sajana84@mail.ru.

I. I. Sazhenin
Novosibirsk, Russia

INDECENT FORM OF UTTERANCE: ETHICS, LINGUISTICS, LAW¹

ABSTRACT. *The article is devoted to analysis of the problem of diagnosing indecent forms of expression in the production of forensic linguistic examination in cases of insult. The urgency of the study is brought about by lack in expert community of a unified approach to the solution of many problems. Expertise in cases of insult traditionally implies two main objectives:*

- 1) establishment of offensive manner of remarks about a person;*
- 2) determination of the form of utterance (decent / indecent).*

There are different interpretations of the essence of indecent form of utterance in the expert community. Some experts believe that only utterances that contain profane words should be considered indecent in form; others also include such expressions which violate the norms of speech etiquette. The difference in expert approaches leads to the fact that one and the same object of study is estimated by experts in different ways, which raises doubts about the objectivity of the methods of linguistic expertise among the participants of the trial. The article attempts to demarcate the content of the linguistic aspect of the concept of "indecent form" and its ethical and legal components.

KEYWORDS: *abuse, conflict situations, linguistic expertise, verbal aggression, verbal interaction, discourse of conflict, speech culture, verbal behavior, court linguistic expertise.*

ABOUT THE AUTHOR: *Sazhenin Igor' Igorevich, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Modern Russian and Methods of its Teaching, Novosibirsk State Pedagogical University.*

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке грантов РГНФ: проект 15-04-00122а «Прагматический потенциал языкового знака: семасиологический и лексикографический аспекты»

Экспертиза по делам об «оскорблении», как правило, назначается по следующим категориям дел: Оскорбление представителя власти, ст. 319 УК РФ; Оскорбление военнослужащего, ст. 336 УК РФ; Административный проступок ст. 5.61 КоАП РФ «Оскорбление». При этом определение понятия «оскорбление» содержится в утратившей силу статье 130 УК РФ: «*Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме*».

В зависимости от определённых законом признаков умаление чести и достоинства личности может квалифицироваться как преступление (128.1 УК РФ «Клевета», ст. 298.1 УК РФ «Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава», ст. 297 УК РФ «Неуважение к суду», ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти», ст. 336 УК РФ «Оскорбление военнослужащего», ст. 282 УК РФ «Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе»), административный проступок (5.61 КоАП РФ «Оскорбление» и пр.) или гражданско-правовой деликт (152 ГК РФ «Защита чести, достоинства и деловой репутации»). Составы данных правонарушений тесно связаны между собой:

клевета — распространение *заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица*;

оскорбление — **унижение чести и достоинства** другого лица, *выраженное в неприличной форме*;

действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на **унижение достоинства человека** либо группы лиц по *признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе*;

Таким образом, объектом посягательств во всех случаях выступает честь и достоинство человека. Однако есть и ряд существенных отличий: ст. 282 обязательно предполагает наличие одного из оснований для умаления чести (пол, раса, язык, происхождение, конфессиональная принадлежность, социальная принадлежность), ст. 319, 336 предполагают обязательное наличие не-

приличной формы выражения, ст. 129.1 УК и ст. 152 ГК предполагают обязательное наличие фактической информации о лице, которую возможно проверить на соответствие действительности.

Следовательно, при производстве экспертизы по уголовному делу, возбужденному по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 282 ставится задача по выявлению негативной информации, в основе которой лежит один из перечисленных в статье признаков, в рамках экспертизы по делам о распространении порочащих сведений решается задача по выявлению негативной информации о лице, имеющей форму утверждения о факте, который может быть проверен на соответствие действительности, а по делам об оскорблении такой задачей является выявление негативной информации о лице, выраженной в неприличной форме.

Для решения поставленных задач назначающее судебную лингвистическую экспертизу лицо чаще всего ставит эксперту примерно следующие вопросы:

Содержится ли в тексте негативная информация о группе лиц, выделяемой по признаку пола, расы, национальности, языка? (ст. 282);

Содержится ли в тексте негативная информация о лице, если да, то в какой форме она выражена: мнение, предположение, оценочное суждение, утверждение о факте, который можно проверить на соответствие действительности? (ст. 129.1 УК РФ, 152 ГК РФ);

Содержится ли в тексте негативная информация о лице? Если да, то выражена ли она в неприличной форме? (319, 336 и др.).

В соответствии со статьей 8 Федерального закона о государственной судебной экспертной деятельности эксперт обязан проводить исследование объективно, на строго научной и практической основе, **в пределах соответствующей специальности**, всесторонне и в полном объеме. И в этой связи возникает вопрос: в какой мере приличие/неприличие являются лингвистическими категориями?

Объектом лингвистической экспертизы материалов по делам об оскорблении является высказывание. Как любой речевой/языковой знак, высказывание имеет план содержания (смысл) и план выражения (форму). Иными словами, фигурирующее в диспозиции статей 130 УК и 5.61 КоАП, понятие «форма выражения» имеет прямую корреляцию с таким лингвистическим понятием, как «план выражения». Иными словами задача

по определению формы выражения высказывания решается посредством характеристики его плана выражения. Но в вопросе, который ставят эксперты, содержится понятие «неприличная форма», то есть эксперт-лингвист, отвечая на вопрос, должен присвоить использованным единицам свойство приличия/неприличия. Но лингвистические ли это категории? Не выходит ли эксперт в этом случае за рамки своей специальности?

Конечно, лингвисты оперируют такими понятиями, как «неприличная лексика», «непристойная лексика» [Жельвис 2008; Мокиенко 1994; Шарифуллин 2000]. Но следует учитывать, что допущения, которые возможны в академических работах, в судебной экспертизе зачастую неприемлемы. И работа с понятием «неприличие» при производстве экспертизы — как раз тот случай, когда собственно лингвистические методы и теории часто не позволяют прийти к однозначному выводу.

Следующий контекст иллюстрирует существование двух оснований для отнесения высказывания к категории неприличных: *«Сын у меня лет в 10 стал обезьянничать за своими приятелями. Раз сказала, что это неприлично, два... Потом сказала: При женщинах употреблять такие слова оскорбительно. Еще раз скажешь, я, как женщина, дам тебе пощечину».*

Таким образом, одним таким основанием будет «наличие женщин в пределах слышимости», то есть экстралингвистические параметры коммуникативной ситуации; вторым основанием будет наличие в высказывании «таких слов», то есть стилистико-функциональные особенности используемых единиц.

Очевидно, что понятие «неприличие» многомерно:

1) с точки зрения лингвистики «неприличность» является исключительно стилистико-функциональной характеристикой единицы, характеристикой плана выражения;

2) с позиции этики приличие или неприличие определяются экстралингвистическими параметрами: ситуацией, целью сообщения, статусом участников, их ситуативными ролями, их воспитанием, культурой общения, традицией и негласными правилами внутри отдельно взятой социальной ячейки и др.

3) с позиции права нужно учесть всё: и этические нормы и стилистико-функциональные характеристики плана выражения.

В попытке ответа на вопрос о наличии/отсутствии неприличной формы выражения лингвист, не отделяя этическое наполнение понятия от лингвистического, сталкивается с необходимостью решить, является ли **форма высказывания ста-**

тичной, независимой величиной или же определяется с учетом параметров коммуникативной ситуации.

Если эксперт придерживается первой точки зрения (форма высказывания статична), то он вынужден относить к категории неприличных вполне конкретный, ограниченный набор единиц. Так, например, последователи И. А. Стернина относят к «неприличным» только следующие единицы: «нецензурное обозначение мужского полового органа (х...), нецензурное обозначение женского полового органа (п...зда, м...нда), нецензурное обозначение процесса совокупления (е...ть) и нецензурное обозначение женщины распутного поведения на букву «б», а также все образованные от этих слов языковые единицы, то есть все языковые единицы, содержащиеся в своем составе данные корни» [Стернин 2010]. Уязвимость такой позиции заключается в том, что, например, фраза «Жирный ублюдок! Урод! Жидовская мразь! Мантию судьи позоришь, падаль!» характеризуется при таком подходе как не имеющая неприличной формы, что вызывает недоумение и несогласие с выводами эксперта у участников процесса, провоцирует назначение повторной экспертизы и в случае разницы в выводах порождает спекуляции на тему необъективности лингвистической экспертизы, что, в свою очередь, продуцирует сомнения в необходимости ее существования как вида.

Если эксперт придерживается второй точки зрения (форма определяется с учетом параметров коммуникативной ситуации), то вероятны иные коллизии, например, как показывает практика, фраза «козел дырявый» в отношении судьи при исполнении и в отношении соседа по лестничной клетке при бытовой ссоре будет иметь или не иметь неприличную форму из-за разных параметров коммуникативной ситуации, что является нарушением равенства прав граждан.

Таким образом, именно наличие в вопросе, поставленном эксперту, понятия «неприличие», провоцирует лингвиста на выход за пределы его компетенции в область этики и права, вынуждает его квалифицировать достаточно жесткие высказывания как «приличные».

Поскольку задачей судебной экспертизы является оказание содействия суду в установлении фактов, подлежащих доказыванию по конкретному делу, то в этом смысле содействие, которое способен оказать специалист в области лингвистики, не выходя за пределы своих специальных знаний, заключается в описании стилистических и функциональных особенностей используемых

единиц с опорой на систему существующих словарных помет. Вопросы эксперту ставятся назначающим экспертизу лицом, сведущим в праве, с учётом юридической значимости вопросов для дела, с учетом специальности и компетенции эксперта. Специфика лингвистической экспертизы, в отличие от других видов, состоит в том, что ее объект нередко бывает «равен деянию» (оскорбление, призыв, унижение и др.), по этой причине нередки ситуации, когда правоприменитель формулирует вопрос, используя элементы диспозиции соответствующей статьи кодекса, вынуждая эксперта тем самым давать юридическую оценку деяния. И вопрос в формулировке *«имеет ли высказывание неприличную форму?»* является частным случаем подобной практики. При этом в соответствии с Кассационным Определением Верховного Суда России от 08.04.2010 № 65-О10-1 *«Наличие унижения чести и достоинства, его степень (глубину) в первую очередь оценивает сам потерпевший, а непристойность формы высказывания оценивается судом»*.

Таким образом, в целях оказания суду содействия в установлении неприличности формы высказывания эксперт, дабы не выходить за пределы специальных знаний, действуя на строго научной основе в пределах соответствующей специальности, должен решать задачу по характеристике плана выражения высказывания. В ряде случаев, когда судья понимает, где находится граница компетенции экспертов, вопрос формулируется примерно следующим образом: *«Содержится ли в высказывании негативная информация о лице, и если содержится, то какими средствами она выражена?»*. Решение вопроса в такой формулировке позволяет эксперту оставаться в зоне своих профессиональных возможностей и в то же время сообщить адресату информацию о языковых единицах, необходимую для принятия дальнейшего решения по делу.

ЛИТЕРАТУРА

Жельвис В. И. «Грубость»: проблемы классификации лексики // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспект): Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. юбилею д.ф.н., проф. А. М. Мелерович. — М.—Кострома, 2008. С. 71–76.

Жельвис В. И. Поле брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Ладомир, 2001. 352 с.

Мокиенко В. М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // Русистика. — Берлин, 1994. № 1/2. С. 50–73.

Стернин И. А. Неприличная форма высказывания в лингвокриминалистическом анализе текста [Электронный ресурс] // Юрислингвистика: лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика: электрон. научн. журн. — 2010. Режим доступа: http://siberia-expert.com/publ/konferencii/konferencija_2010/9-1-0-308.

Шарифуллин Б. Я. Обценная лексика: терминологические заметки // Речевое общение: вестн. Рос. риторической ассоц. — Красноярск, 2000. Вып. 1 (9). С. 108–111.